

УДК 82.091

Е. А. Арестов,

филологический факультет,

Омский государственный педагогический университет

Научный руководитель: канд. филол. наук, доц. Н. В. Макшеева

Экзистенциальный кризис в романе И. А. Гончарова «Обломов» и в «Исповеди» Л. Н. Толстого

Аннотация. В статье сопоставляются художественная концепция И. А. Гончарова, воплощенная в романе «Обломов», с философскими воззрениями позднего Л. Н. Толстого. Проанализированы мировоззренческие истоки («неделания»): одной из ключевых идей «Исповеди» Л. Н. Толстого, установлено сходство мнений писателей относительно мирской деятельности человека.

Ключевые слова: экзистенциальный кризис, «неделание», И. А. Гончаров, Л. Н. Толстой.

Михаил Пришвин писал об «Обломове»: «В этом романе внутренне прославляется русская лень и внешне она же порицается изображением мертво-деятельных людей (Ольга и Штольц). Никакая «положительная» деятельность не может выдержать критики Обломова: его покой таит в себе запрос на высшую ценность... Это своего рода толстовское «неделание»» [2, с. 135]. Проницательный взгляд писателя заметил сходство идей Гончарова и позднего Толстого относительно ключевого мотива романа — деятельности. Исследуя образную систему «Обломова», мы пришли к выводу, что перед нами в первую очередь философский роман: экзистенциальные вопросы в нем определяют взгляд на социальные. Такой подход свойственен и философии Толстого.

Существует мнение, что «Обломов» — это социальная критика; Штольц противопоставляется Илье Ильичу как идеал нового деятельного человека. Однако тон, который Гончаров задает своему роману, заставляет нас иначе взглянуть на персонажей и их взаимоотношения. Роман пронизан мотивом страха смерти, который появляется еще в идиллической Обломовке [1, с. 129]. Той же идее служит введение библейского образа — Иисуса Навина, по легенде, сумевшего остановить Солнце [1, с. 265]. О сирени в «Обломове» говорят, как о символе любви. Но этот образ приобретает новый оттенок: «Все поблекнет и отойдет» — идея конечности, смерти становится лейтмотивом романа. Притом эта идея повторяется не только в судьбе Обломова, но проходит и через жизни Ольги и Штольца, как мы узнаем из VIII главы 4 части романа. Философский тон роману придает также мотив души и тела («высшее начало» и «негодный

сосуд»)), двух взглядов на человеческую природу, заявленный еще в первой части — в диалоге с Пенкиным [1, с. 28]. Он проецируется на весь роман.

Поэтому Ольга и Штольц, вместе с доктором пытающиеся лечить симптомы *внутреннего* конфликта *внешней* деятельностью, в определенный момент, несмотря на кажущуюся правоту, сами заражаются «обломовской апатией».

Экзистенциальный кризис характеризуется как внутренний конфликт, связанный с ощущением бессмысленности жизни; эмоционально — это ощущение тревоги, страх перед смертью, безразличие к внешней жизни или апатия — невозможность вернуться к прежней деятельности. То же самое Гончаров заставляет переживать своих персонажей. Безо всякой на то причины Ольга, оказавшись на вершине семейного счастья, будучи постоянно при деле, вдруг испытывает тревогу, чувствует равнодушие к прежним разговорам о науке и искусстве, задается вопросом: «Куда же идти? — отвечая, — Никуда! Дальше нет дороги...» Обломов, по приезду в Петербург, запирается на Гороховой; но его нежелание появляться на службе или в свете связано не с ленью, а с «нервическим страхом», ужасом перед жизнью, причинам которого посвящен «Сон Обломова» с няинными сказками о «неведомой стороне, где нет ни ночей, ни холода». Герои переживают апатию, страх — притом, неизменно связанные с размышлениями о «человеческой судьбе и назначении», с образом бездны.

Черты экзистенциального кризиса, угаданные Гончаровым, обнаруживаются в «Исповеди» Льва Толстого. В конце 70-х гг. Толстой — любящий и любимый муж, богатый помещик, известный

писатель (уже автор «Войны и мира»). Но вдруг и он приходит к мысли, что «впереди ничего нет, кроме гибели» [4, с. 12]. Состояние беспричинного страха, впоследствии названное «арзамасским ужасом», Толстой описывает в «Записках сумасшедшего». Оно напоминает «нервический страх» Обломова, испытанный им по приезду в Петербург.

Ольга, Обломов и Штольц не могут преодолеть «грусть души, вопрошающую жизнь о тайне» [1, с. 460]: им удастся только терпеть симптомы этой загадочной болезни — тайна им не открывается. Ключом к разгадке трагедии Обломова является мотив деятельности, взгляд на которую также определяется философским тоном романа. Гончаров рассуждает о прогрессе, общественных науках: деятельность для него, как и для Толстого, раскалывается на общественную и личную. Нельзя сказать, что мысль автора определяется в противопоставлении Штольца Обломову, потому что композиция романа строится на сменяющихся симпатии и антипатии к героям, которые проявляются то своей светлой стороной, то тенью. И зачастую эти стороны друг с другом совсем не сочетаются. Критики неслучайно замечали неоднозначность Штольца. Но таким же, сочетающим исключительно положительные и исключительно отрицательные черты, предстает и Обломов. Это, на наш взгляд, и демонстрирует особенность композиции романа: мысль Гончарова раскрывается в противопоставлении черт внутри героев. Эти черты организуются по двум полюсам, взглядам на человеческую жизнь: это *научный взгляд* (материализм, вера в прогресс, эгоизм) и *религиозный*. Последний предполагает, что главное дело человека — в самосовершенствовании, поддержании чистоты высшего начала в самом себе, ввиду не постоянного развития, а постоянного умирания, ввиду того, что «всё поблекнет и отойдёт». Собственно, в подде-

ржании чистоты души и есть идея «неделания»: «люди портят свою жизнь не столько тем, что не делают того, что должно делать, сколько тем, что делают то, чего не должно делать» [3, с. 344]. Следует обратить внимание на то, что в первой части романа Обломов критикует деятельность своих гостей не саму по себе, а в ее влиянии на личность. В этом и есть его «неделание»: «его сердце не издало ни одной фальшивой ноты» [1, с. 467] — говорит Штольц. И действительно, это главное, за что мы любим Илью Ильича.

В философии Толстого вопрос деятельности (общественной и личной) имеет первостепенное значение. Его идея «неделания» выросла на почве Первой русской революции, о которой Толстой отзывался негативно, говоря, что она «руководится эгоизмом» [3, с. 6]. Писатель противопоставлял общественному преобразованию нравственное самосовершенствование. Это и стало исходом его экзистенциального кризиса: Толстой уходит от веры в прогресс к вере в деятельную сторону учения Христа, приоритет души, сохранения ее чистоты от грехов и соблазнов. Это противопоставление является основой его философских работ.

Таким образом, мы видим, что роман Гончарова выходит за пределы социальной критики. Его герои противопоставляются не столько друг другу, сколько внутри себя; автор объединяет их лейтмотивом конечности, сталкивая с тайной человеческого бытия. Мы видим, что в основе мысли Гончарова и позднего Толстого лежит одно и то же противопоставление общественно полезной и личной духовно-нравственной деятельности. Михаил Пришвин верно заметил родство обломовской лени «неделанию». В сравнении разрешений состояний героев Гончарова и кризиса Льва Толстого выявляется «значимое отсутствие» духовно-нравственного идеала в жизни Ильи Ильича, образующее трагический пафос его судьбы.

1. Гончаров И. А. Обломов : роман в 4 ч. // Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. Т. 4. — СПб. : Наука, 1998. — 492 с.

2. Пришвин М. М. Полн. собр. соч. : в 8 т. Т. 8 : Дневники, 1905–1954. — М. : Худож. лит., 1986. — 759 с.

3. Толстой Л. Н. Путь жизни, 1910 // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. Т. 45. — М. : Худож. лит., 1956. — 602 с.

4. Толстой Л. Н. Исповедь // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. Т. 23. — М. : Худож. лит., 1956. — 617 с.